

На прошлой неделе в московской галерее «Открытый клуб» завершилась выставка вологодского художника Генриха Асафова. Первая «персоналка» в Москве, хотя в коллективных выставках столичных он был замечен еще со студенческих лет.

Что за благодатные были времена! По всему огромному Советскому Союзу гремела слава Вологодской писательской организации, которая ассоциировалась прежде всего с именами Василия Белова, Виктора Астафьева, Сергея Орлова, Александра Яшина... Со всей страны на постоянное проживание в Вологду тянулись художники, хоть раз побывавшие здесь в гостях. Заметьте, и масло вологодское было всем известно, и кружева. И ценились, говоря современным языком, общепризнанные нынешние «бренды» не меньше. Но больше вологодская земля славилась своими людьми. Стремилась славиться!

Сейчас в общественной системе ценностей бренды стоят выше человека. Будто они сами по себе возникли в порыве всеобщей глобализации. Разве что Дед Мороз - исключение. Но этот добрый волшебник и не человек, кажется...

И вот в те самые «благодатные» времена, когда Генрих Асафов в середине пятидесятых окончил школу в Устье, его отец - знатный кузнец, получивший кузницу в наследство от отца-«кулака», который блоху не подковал лишь потому, что пользы в этом не видел, изрек, как отрезал: «Бежать тебе, Генька, надо отсюда! Косить не дают, а без коровы мы подохнем...»

«Забег на длинную дистанцию», в которой уместились пэтэуха, художественное училище, работа учителем рисования и служба в армии на Сахалине, блестящая учеба в московском институте имени Сурикова, закончился в 1976 году в Вологде.

«Процветание» северной деревни не достигло еще сияющих вершин, но смысл выживания обрел для молодого художника вполне определенные формы, которые только ему и были очевидны. Основная тема творчества, освобождаясь от пафоса, выкристаллизовывается без спешки. Внутренний мир художника вмещает весь белый свет, но для настоящего искусства так много не надо. На поиски своего «чуть-чуть», случается, уходит целая жизнь. Генрих Асафов, слава Богу, начинает свой творческий путь, вдохновленный красотой мира простого человека. Его индивидуальная тропинка в искусстве, которая у каждого настоящего художника всегда своя, начинается от земли усть-кубенской. Река Кубена, высокий берег и храм в Чиркове, Кубенское озеро, Спас-Камень и люди, населяющие эти благословенные берега, становятся его героями. Он, повидавший просторы огромной страны, пишет

тех земляков, которые остались в родном селе.

Потрясающий колорист, поклонник Пиросмани, избежавший искушения обличать и высмеивать, Генрих Асафов в каждой запечатленной бытовой сцене, будь то сенокос или рыбалка, заготовка грибов или катание на лодочке, видит живые чувства не избалованных благами цивилизации земляков. Жизнью они не замордованы, как это ни странно, преисполнены светлой грусти и теплой робкой любви. И еще все они полны неизбывной надежды...

Во времена, когда у художников появилась возможность зарабатывать настоящие деньги во время зарубежных пленэров, Генрих Асафов стал дарить свои коллекции землякам.

Художник категорически не хочет выглядеть «умудренным жизнью» философом, являясь таковым по сути. Завидовать не умеет, но хорошо знает, до чего может довести зависть. Чуждый саморекламы, он свой круг общения ограничивает с годами все жестче. Разговоры об искусстве, творчестве, вдохновении поддерживает неохотно, кажется, «из уважения» только, предпочитая тихий труд в уютной мастерской наедине со своими мыслями, потерями и обретениями.

Об организаторах московской выставки говорит тепло: «Как-то ко мне в мастерскую зашел один москвич и попросил показать работы. Времени было жалко, конечно, но человек-то приехал уже. Предложил организовать выставку в Москве. Да старый я, говорю, не осилить мне такие перемещения в пространстве. А мы все хлопоты на себя возьмем, отвечает...

Так и сделали, как обещали. А нас с Марией пригласили на открытие выставки. Очень уютная галерея в самом центре старой Москвы, больше тридцати работ было представлено. Все еще нигде не выставлялись, написаны были в последние годы.

Кому-то может показаться, что эта выставка маленько запоздала. Но я так не считаю. Все происходит вовремя. И главное - я не напрашивался со своими работами...

Когда я был студентом, мы ходили на выставки в Манеж, и я заметил: если художник нравится зрителям - он не нравится специалистам. Если нравится специалистам, то не нравится зрителям. Я думаю: «Что же мне делать?» И я сам себе сказал тогда: не буду угождать ни тем, ни этим. Буду делать то, что я мыслю. Красота! То есть получилась такая интересная свобода. В душе появилась свобода: я никого не боюсь, мне ни перед кем гнущся не надо, и я стал выражать то, что я люблю...

Пишу о Земле и Труженике на ней, ибо знаю эту тему с детства. Она бесконечна своим содержанием и этим дает возможность бесконечности формы, а это и есть истинное искусство...»